

ФИЛОЛОГИЯ

Л.В. Хохлова

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ПРИОРИТЕТА
РЕЛИГИОЗНЫХ ФАКТОРОВ
НАД ЯЗЫКОВЫМИ В САМОСОЗНАНИИ
ЭТНИЧЕСКИХ ПАНДЖАБЦЕВ**

Панджабцев, разделенных границей двух государств – Индии и Пакистана – и принадлежащих к трем различным религиозным общинам (индуистской, сикхской и мусульманской), объединяют многие черты, обычно приписываемые единому этносу: исторически общая территория проживания, общая история, язык, культура (за исключением ее религиозного компонента), однако на уровне самосознания идея религиозной принадлежности доминирует над языковой. В статье анализируются исторические причины преобладания религиозного компонента над этническим в самоидентификации панджабцев.

Ключевые слова: самоидентификация, этническое самосознание, религиозное самосознание, коммуналистская политика, религиозная община, сикхи, хинду, мусульмане, панджабцы.

Divided between the borders of two states – India and Pakistan – and belonging to three different religious communities – Sikh, Hindu and Muslim – Punjabis share many common features that usually constitute ethnicity: common territory, history, language and culture (excluding its religious component). However, in modern Punjabi community religious self-consciousness is usually dominating over the ethnic one. The paper analyses the historical reasons for religious rather than ethnic self-identification typical for modern Punjabis.

Key words: self-identification ethnic self-consciousness, religious self-consciousness, communal policy, religious community, Sikhs, Hindus, Muslims, Punjabis.

Панджабцы – основное население географической и исторической области Панджаб (букв. «пять рек»), в настоящее время территория Пакистанской провинции Панджаб (около 63 млн человек), а также штатов Панджаб и Хариана в Индии (около 29 млн человек).

На языке панджаби существует развитая литературная традиция. Наиболее ранним поэтическим памятником считаются шлоки суфийского поэта Шейха Фариды, включенные в сикхский канон «Ади Грантх»¹. Стихи шейха Фариды написаны на западнопанджабском диалекте мультани. Некоторые исследователи приписывают

¹ Sekhon, Sant Singh & Duggal, Kartar Singh. History of Punjabi Literature. Delhi, Sahitya Academi, 1992.

их Фариду-уд-дину-Гандж-и-Шакару (1173–1265), другие – Фариду Сани, жившему в XIV–XV вв.² Тщательный лингвистический анализ стихов Фариды позволил бы более точно датировать наиболее ранний из известных поэтических памятников панджабской литературы.

Первые прозаические тексты на панджаби – «Джанам Сакхи», датируются XVII в. «Джанам Сакхи» – агиографические истории, описывающие жизнь основателя сикхизма гуру Нанак (1469–1536)³. Они распространялись в основном внутри сикхской общины, в то время как стихи Бабы Фариды и других суфийских поэтов, фольклорные произведения – народные песни и т.д. и особенно «кисса» – истории о трагической любви, авторами которых были известные поэты-суфии, составили общее наследие всех панджабцев – хинду, сикхов и мусульман⁴.

Авторами первых «кисса» были хинду из касты арора Дамодар Гулати и мусульманин из касты джатов Пилу, оба современники пятого сикхского гуру Арджан Дева (1563–1606). Истории о Сасси и Пунну, Сони и Махивале, Хир и Ранджхе, написанные в XVII – XIX вв. такими знаменитыми поэтами, как Ахмад Яр (род. в 1768 г.), Кадир Яр (род. в 1805 г.), Амам Бакш (1778–1863) и особенно Варис Шах (1735–1784) стали классикой панджабской литературы и известны практически каждому современному панджабцу независимо от его конфессиональной принадлежности. Несмотря на общность территории, истории, и культуры, а также развитую литературную традицию, панджабцы не сложились в единую нацию.

Сейчас невозможно определить, какие из факторов: этнические или религиозные – были приоритетными в самосознании панджабцев эпохи феодализма, при том, что до установления британского правления в Индии эта оппозиция, по-видимому, не имела для жителей Панджаба большого практического значения. Реальная потребность выбора определенных приоритетов появилась во второй половине XIX и в XX в. с развитием новых экономических и политических процессов в регионе, связанных с установлением британского правления: в 1849 г. Панджаб перешел под управление

² По мнению некоторых исследователей Фарид Сани жил между 1450–1554 гг., по мнению других – между 1450 и 1575 гг. Поскольку в стихах Бабы Фариды отчетливо прослеживается влияние вишнуитского бхакти, начальный период которого датируется серединой XV в., а также близость идеям Кабира, жившего, по мнению литературоведов и историков, не ранее 1398 и не позже 1520 г., наиболее близки к истине, по-видимому, те исследователи, которые относят творчество Бабы Фариды к концу XV или XVI в., см. также: *Sharda S.R. Sufi thought. Delhi, Munshiram Manoharlal, 1974; Nizami, Khalid Ahmad, Life and Times of Farid-ud-din Ganji-i-Shakar, Aligarh: Department of history, Muslim University, 1955.*

³ *McLeod W.H. The B40 Janam-Sakhi. Amritsar, Guru Nanak Dev University, 1980.*

⁴ *Sekhon, Sant Singh and Duggal, Kartar Singh, History of Punjabi Literature. Delhi, Sahitya Academi, 1992.*

Ост-Индской компании, с 1857 стал управляться непосредственно Британской короной.

Это время характеризуется бурным социально-экономическим и политическим развитием региона. Устанавливается телеграфная связь, строятся железные дороги, развивается ирригация. Благодаря четырехкратному увеличению орошаемой территории в период 1878–1918 гг. Панджаб начинает экспортировать зерно.

Европейское образование приносит новые секуляристские идеи демократии, прав личности, создает новый средний класс, относительно свободную прессу, формировавшую общественное мнение. Сходные процессы в Европе привели к развитию национального самосознания, однако в Индии – и в частности в Панджабе – напротив, усилилась религиозно-общинная ориентация населения. Одной из причин такого развития была политика британского правительства, поддерживавшего разные религиозные сообщества в разные периоды своего правления.

После сипайского восстания 1857 г. мусульмане потеряли власть, земельные владения, привилегии при приеме на гражданскую и военную службу. Сфера гражданской службы была монополизирована хорошо владевшими английским языком хинду, в основном выходцами из Бенгалии или Мадраса. Военная служба стала привилегией сикхов, которых англичане поддерживали именно как религиозную общину. Так, например, британский генерал-губернатор распорядился, чтобы все сикхи, поступающие в британскую армию, проходили специальный обряд посвящения в общину – *rahit*⁵, накладывающий на посвященного обязательства строго соблюдать правила поведения сикха.

Британский генерал-губернатор также финансировал перевод на английский язык книги «Ади Грантх» – сикхского канона. Перевод осуществлялся на основе постоянных консультаций с сикхскими религиозными авторитетами.

Однако рост антибританских настроений среди части сикхской общины и особенно создание в 1913 г. партии «Гадар», ставившей целью насильственную борьбу с колониальной властью, заставили англичан пересмотреть свое отношение к сикхам. Одновременно

⁵ Прохождение этого обряда является результатом серьезного личного выбора, желания служить общине и нести большую ответственность за свои действия и поступки. В частности, от посвященного требуется отдавать общине десятую часть своих доходов, никогда не расставаться с пятью «к» и решительно избегать четырех пунктов из перечня «дурного поведения» (*ku-rahit*). К ним относятся: стрижка волос, употребление в пищу *halâl* (мяса животного, убитого по мусульманскому обычаю), адюльтер и курение. Посвященные также не должны иметь дело с другими посвященными, нарушающими правила поведения сикха, с членами тех сект, что были осуждены гуру Гобиндом Сингхом, не должны красить волосы, употреблять опьяняющие напитки, брать приданое за невестой.

британские власти перестали доверять и хинду, так как во главе национально-освободительного движения стояли преимущественно представители этой общины.

В поисках силы, которая, по их мнению, могла бы противостоять нараставшему во всех сферах противодействию индийского общества колониальным властям, англичане обратились к мусульманам. Британские власти поддержали формирование собственной политической платформы этой общины, завершившееся созданием в 1906 г. партии Мусульманская Лига.

В самом Панджабе колониальные власти также проводили коммуналистскую политику: они экономически поддерживали Западный Панджаб с преобладавшим мусульманским населением и сравнительно мало внимания уделяли страдавшему от засух Восточному Панджабу, где большинство населения составляли сикхи и хинду.

Административные реформы британских властей препятствовали национальной консолидации панджабцев, как и других народов Индии. Англичане устанавливали и меняли административные границы, не считаясь с национально-языковым составом населения подвластных территорий. Так, например, Делийский тракт и город Дели, ранее входившие в состав Северо-Западных провинций, в 1856 г. были присоединены к Панджабу, затем в 1901 г. из состава Панджаба вышла Северо-Западная пограничная зона, превращенная в 1935 г. в Северо-Западную пограничную провинцию. Столица Британской Индии была перенесена в 1912 г. из Калькутты в Дели, при этом город с прилегающими районами отделился от Панджаба и стал подчиняться непосредственно лейтенант-губернатору. Присоединение к Панджабу территорий с непанджабским населением, приглашение на важные государственные посты и в сферу образования выходцев из других регионов – все это «размывало» панджабское языковое и культурное единство.

Многие высокопоставленные английские чиновники понимали преимущества создания административных единиц на лингвистической основе. О них говорилось в докладе Монтегю–Челмсфорда от 1918 г. и в докладе комиссии Саймона от 1930 г.⁶, однако содержащиеся в докладе рекомендации так и не стали руководством к действию британских властей. Поддерживая сикхов, британские

⁶ «Мы не можем сомневаться в том, что дело управления было бы упрощено, если бы административные единицы были как меньшими по размеру, так и более однородными...», – писал Монтегю–Челмсфорд. «Сильный аргумент в пользу лингвистических или расовых единиц управления состоит в том, что, позволяя осуществлять законодательную деятельность на туземном языке, они внесут вклад в привлечение на арену общественной жизни людей, не знающих английского языка». Цит. по: *Клюев Б.И.* Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978. С. 91.

власти не уделяли внимания развитию языка панджаби. В языковой политике они фактически сохранили феодальную систему своих предшественников, при которой официальный язык отличался от родного языка большинства населения.

Официальным языком на территории могольской империи был фарси, который сохранялся в качестве официального и при дворе Махараджи Ранджита Сингха (1780–1839), основавшего в 1801 г. независимое сикхское государство, которое просуществовало до прихода англичан. Созданный англичанами в 1855 г. Департамент Народного образования (Department of Public Instruction) сохранил в качестве языка преподавания фарси, который позже был заменен урду.

Урду стал языком обучения в школах (мадраса и мактиб), а также – наряду с английским – языком администрации, судопроизводства, периодической печати и других сфер государственной, социальной и общественной жизни. Чиновники и учителя, прибывавшие в Панджаб из Соединенных провинций, активно участвовали в распространении урду среди панджабской литературной и чиновничьей элиты. Овладение новым языком не представляло больших трудностей, так как арабский шрифт и арабские заимствования, составлявшие значительный пласт культурной лексики урду, уже были известны образованным панджабцам благодаря владению фарси.

Кроме того, панджабская культурная элита была всей предшествующей историей психологически подготовлена к ситуации, типичной для древней и средневековой Индии, когда официальный язык отличается от родного. Что касается арабского шрифта, то он, по-видимому, не воспринимался в то время как символ исключительно исламской общины, так как до урду официальным языком был персидский с той же письменностью. В отличие от сравнительно «нейтрального» арабского шрифта шрифт гурмукхи считался принадлежностью сикхской общины, деванагари ассоциировался с хинду.

Английский вскоре после прихода англичан стал языком администрации высшего уровня, языком Верховного суда и высшего образования. Ввиду недостатка среди местного населения квалифицированных кадров, владевших английским языком, в Панджаб приглашались чиновники и профессора из Бенгалии, где культурная элита раньше других индийцев получила доступ к английскому образованию.

Из власть предержащих лишь махараджа княжества Патиалы проявлял интерес к родному языку. Еще в 1911 г. он провозгласил его в своем княжестве государственным наравне с урду, в 1942 г. панджаби стал обязательным для изучения предметом в начальной и средней школе княжества Патиалы, позже, когда в 1948 г. был

образован союз княжеств ПЕПСУ⁷, панджаби стал официальным языком этого союза⁸.

Проведенные англичанами ограниченные демократические реформы политической системы не только не ослабляли, но напротив усиливали консолидацию населения на религиозной основе. После реформы Минто-Морли 1909 г., расширившей представительство индийцев в органах управления государством, каждая из общин усилила борьбу за собственное представительство в центральных и местных органах власти. Особенную активность в этой борьбе проявляли находившиеся в меньшинстве мусульмане и сикхи.

Не следует думать, что население Панджаба всегда объединялось только по конфессиональному признаку. Помимо конфессиональных, возникали и другие, например, кастовые союзы. Так, джаты хинду, сикхи и мусульмане выступали на общей политической платформе против не-джатов, в особенности против «списочных каст». Однако в Британском Панджабе практически отсутствовали движения за объединение по этническому или языковому принципу.

Важной причиной преимущественно коммуналистской ориентации населения была также протестная реакция на активную и весьма успешную деятельность христианских миссионеров. В особенности сложным было положение сикхской общины, которой приходилось бороться «на два фронта». С одной стороны – против растущего христианского влияния: не только представители низких каст, желавшие повысить свой социальный статус, но и некоторые интеллектуалы под влиянием миссионеров переходили в христианскую веру. Новые правители обратили в христианство даже Далипа Сингха, сына Махараджи Ранджита Сингха.

С другой стороны, сикхское вероучение «подтачивал» изнутри индуизм, причем этот процесс начался задолго до прихода англичан. Махараджа Ранджит Сингх считал себя истинным сикхом, называл свое правительство правительством хальсы (*sarkâr khâlsâ*), но при этом щедро одаривал брахманов, а после смерти махараджи его че-

⁷ В 1947–1949 гг. интеграция бывших княжеств с Индийским союзом шла тремя путями: они либо присоединялись к соседним провинциям бывшей Британской Индии, либо входили в состав доминиона как единицы, непосредственно управляемые из центра, либо образовывали федеральные единицы – союзы княжеств: ПЕПСУ – союз Патиалы и княжеств Восточного Панджаба. Столицей союза была Патиала. В ноябре 1956 г. ПЕПСУ вошел в состав Панджаба. После раздела Панджаба на два штата – Панджаб и Хариану в 1966 г. часть бывшей территории ПЕПСУ вошла в состав штата Хариана.

⁸ Махараджа Патиалы, получивший в союзе княжеств должность раджапрамукха (примерно соответствовавшую должности губернатора), активно поддерживал панджаби. Надо сказать, что феодальная аристократия, как правило, поддерживала местные языки и в других регионах Индии, например, активно участвовала в движениях за расширение функций раджастхани и майтхили в 60-х гг. XX в.

тыре жены и семь наложниц совершили обряд самосожжения – сати, который полностью противоречит всем сикхским канонам⁹.

Во многих семьях существовала традиция, в соответствии с которой только один из сыновей в семье становился сикхом. В таких семьях обычно исполнялись индуистские обряды и ритуалы, могли исполняться и те и другие, члены семьи поклонялись индуистским богам, при этом посещали как индуистские храмы, так и гурдвары, не задумываясь о противоречивости своих религиозных воззрений. Настоятели сикхских храмов – маханты также исполняли многие индуистские обряды, противоречившие учению основателя сикхизма Гуру Нанака.

Протестную реакцию религиозных меньшинств вызывала также деятельность индуистских реформаторских организаций. Так, например, «Арья Самадж» в 1875 г. организовала кампанию «shuddhi» – «очищение», в ходе которой выдвигались требования прекратить убиение коров, обратить мусульман в индуизм и др.¹⁰ Большинство политиков-хинду призывали к борьбе за национальную независимость, используя индуистскую символику. Так, например, Махатма Ганди сравнивал «svagâj» – независимость (букв. собственное правление) и «gâmrâj» – государство справедливости (букв. «правление Рамы», или «божественное правление»). В индийском эпосе «Рамаяна» идеальное правление связывается с образом Рамы, земным воплощением бога Вишну. Махатма Ганди имел в виду государство с равными правами для всех религиозных общин, однако образы из индуистской мифологии усиливали беспокойство религиозных меньшинств, опасавшихся доминирования индуистского большинства в будущей независимой Индии.

В противовес деятельности британских миссионеров и индуистских религиозно-реформаторских организаций в Панджабе в 1885 г. возникает организация в поддержку ислама: «Анджуман-и-химайат-и-ислам», а также сикхские реформаторские общества.

Носителями новой идеологии в сикхской общине стали реформаторские общества Сингх Сабха: первое возникло в 1873 г. – в Амритсаре, второе спустя 6 лет, в 1879 г. – в Лахоре. Оба общества ратовали за «возвращение к истокам» учения гуру Нанака. При этом реформаторы Амритсара полагали, что сикхи являются частью индуистской общины, а более радикальное Лахорское общество настаивало на самостоятельности сикхов¹¹.

⁹ *McLeod W.H. Sikhism. L., Penguin books, 1997. P. 71.*

¹⁰ Выдвигался лозунг «re-conversion», предполагавший, что нынешние мусульмане – это бывшие хинду, силой обращенные в ислам могольскими правителями или принявшие мусульманскую веру, чтобы повысить свой социальный статус.

¹¹ *Grewal J.S. Historical Perspectives on Sikh Identity. Patiala, Punjabi University, 1997.*

Радикально настроенные реформаторы, взгляды которых возобладали над остальными, позже стали называться «истинная, настоящая» хальса (tat khâlsâ). Их идеи лучше всего изложены в программном памфлете Кахана Сингха Набхи «Ham Hindu nahî» – «Мы не хинду», который был напечатан в 1899 г.¹² Автор настаивал на отдельности сикхской общины и призывал сикхов не следовать кастовым предписаниям, не посещать храмов, принадлежащих адептам других религиозных учений и не исполнять никаких не-сикхских обрядов. В начале XX в. многие писатели – идеологи реформ в сикхизме, например, Бхай Вир Сингх, Бхай Джодх Сингх и др. начали употреблять по отношению к сикхам термин нация (qaum).

Наиболее активными участниками реформаторского движения в начале XX в. были либо «сахадждхари» сикхи, т.е. потомки тех сикхов, которые отказались принять реформы Гуру Гобинда Сингха¹³, либо недавние хинду, вступившие в сикхизм. К последним принадлежал и студент-хинду по имени Нанак Чанд, перешедший в сикхскую веру, принявший имя Мастер Тара Сингх (1885–1967) – и в 1960 г. возглавивший борьбу за отдельный «сикхский» штат в Индии.

Точнее говоря, требование создать сикхский «Азад Панджаб» – свободный Панджаб было выдвинуто Мастером Тара Сингхом еще в 1943 г. в противовес требованиям Мусульманской Лиги создать исламское государство Пакистан. На первых в независимой Индии всеобщих выборах 1951/1952 гг. партия «Акали дал» выступила с лозунгом образования отдельного штата, в котором было бы объединено население, говорящее на языке панджаби. Однако после трагических событий 1947–1948 гг., сопровождавших раздел Панджаба между Индией и Пакистаном, требование нового раздела многострадального штата не нашло поддержки у населения.

Потерпев поражение на выборах, «Акали дал» позже заменила требование образования лингвистического штата на лозунг «Панджаби Суба как штат для сикхов», который в изменившейся ситуации конца 1950 – начала 1960-х гг. вызвал сочувствие большинства сикхской общины, так как, несмотря на попытки центрального и местного правительства решать межконфессиональные разногласия на демократической основе, взаимное недовольство хинду и сикхов нарастало на протяжении всего десятилетия.

Уже вскоре после достижения независимости правительство столкнулось с трудностями при проведении демократических ре-

¹² Nabha, Kahan Singh (Bhai). Ham Hindu nahin. Amritsar: Dharam Parchar Committee (SGPC) 1981 (reprint of 5-th ed.)

¹³ Гуру Гобинд Сингх в 1699 г. создал хальсу – сикхскую общину, члены которой должны были иметь определенный внешний облик и подчиняться определенным правилам поведения. Многие приверженцы учения гуру Нанака не приняли реформ Гуру Гобинда Сингха

форм в сфере образования, так как население продолжало решать для себя языковые проблемы на конфессиональной основе. Главный министр первого правительства Панджаба в независимой Индии Бхим Сен Саччар предложил как хинди, так и панджаби в качестве обязательных предметов после третьего класса начальной школы, выбор языка обучения предоставлялся родителям. Вне зависимости от родного языка ребенка, хинду, как правило, выбирали в качестве языка обучения хинди, сикхи – панджаби.

Не только простые граждане, но и академические круги разделились по религиозному принципу: в 1949 г. Панджабский университет (Чандигарх), в котором преобладали сторонники индуистской организации Арья Самадж, заявил, что панджаби недостаточно развит для того, чтобы стать языком обучения в высшей школе, даже если сикхи согласятся на использование обоих шрифтов – как деванагари (требование хинду), так и гурмукхи (требование сикхов).

Это заявление было отчасти справедливым: не только панджаби, но и другие индийские языки не выработали к этому времени нужной терминологии, необходимой языку высшей школы, в особенности в области естественных и технических наук. Однако оно тут же было использовано сторонниками партии «Акали дал» как «антисикхское» и обусловило новый виток межрелигиозной напряженности. Борьба с обеих сторон велась исключительно на коммуналистской основе. «Акали дал» мало интересовалась проблемами панджабского языка и культуры. Достаточно вспомнить, что среди ее кандидатов на выборах в Шромани Гурдвара Прабандхак Комити – Комитет по управлению гурдварами – никогда не было таких панджабских интеллектуалов и литераторов, как Бхай Вир Сингх, Бхай Джодх Сингх, профессор Теджа Сингх и др.

В 1956 г. был достигнут компромисс между двумя конфессиями, который должен был положить конец непрекращавшимся межконфессиональным столкновениям на языковой почве. Панджаб был разделен на два региона: регион панджаби – районы с преобладавшим панджабским населением и регион хинди – районы, где большинство населения говорило на хинди и его диалектах. В каждом из регионов преподавание должно было вестись на основном языке региона, а второй язык предполагалось преподавать как обязательный предмет.

Компромисс этот, однако, не дал желаемых результатов: во-первых, потому, что демаркационная линия между районами, говорящими на хинди или панджаби была весьма условной, тем более, что население идентифицировало себя с тем или иным языком исходя не из лингвистической реальности, а на основе своей конфессиональной принадлежности, во-вторых, потому что принятые решения с трудом проводились в жизнь: если в регионе панджаби и преподавался хинди, так как население было заинтересовано во

владении государственным языком Индии, то обратного, как правило, не происходило, что стимулировало новый виток политической борьбы на религиозной основе.

В 1960 г. Мастер Тара Сингх, поддержанный сикхской партией «Акали Дал», возобновил агитацию за Панджаби Суба как «сикхский штат». Он требовал, чтобы сикхи в Панджаби Суба составили большинство – не менее 56%¹⁴, а проблемы языка считал второстепенными. В отличие от первых лет после достижения независимости в 1960 г. агитация Тара Сингха опиралась на поддержку значительной части сикхского населения, недовольного прежде всего экономической политикой центрального правительства¹⁵. Кампания Тара Сингха стимулировала деятельность индуских коммуналистских организаций, прежде всего «Джан Сангх», что привело к новым столкновениям на религиозной почве. Центральное правительство решительно отвергло требования «сикхского штата» как противоречившее конституции Индии, не допускавшей создание штатов на религиозной основе.

Смена руководства «Акали дал» в 1961 г. поставила как центральное правительство, так и Комиссию по реорганизации штатов в трудное положение, так как Фатех Сингх¹⁶, возглавивший партию после Мастера Тара Сингха, заговорил не о сикхском, но о панджабском штате, который должен был объединить территории с преобладанием панджабского населения независимо от его конфессиональной принадлежности. Это новое требование не противоречило конституции Индии, однако удовлетворить его было чрезвычайно сложно, так как, во-первых, географически невозможно было провести четкую демаркационную линию между носителями хинди и панджаби. С прибытием во все дистрикты штата большого числа беженцев из Западного Панджаба (территория Пакистана) линия раздела хинди – и панджабиязычного населения стала еще более размытой¹⁷.

Во-вторых, индусы – как панджабцы, так и носители хинди – противодействовали разделу Панджаба, так как боялись оказаться религиозным меньшинством в «сикхском» штате. Особенно активно возражали против раздела штата деловые круги Панджаба: боль-

¹⁴ В образованном в 1956 г. после объединения с ПЕПСУ штате Панджаб сикхи составляли около трети населения.

¹⁵ Экономические требования «Акали дал» включали увеличение инвестиций из центра, развитие промышленности и увеличение числа рабочих мест, более справедливое распределение вод для орошения и др.

¹⁶ В 1961 г. группа Тара Сингха, опиравшегося на поддержку крупных землевладельцев и высшего чиновничества была вытеснена в руководстве партии «Акали дал» группой Фатех Сингха, представлявшего интересы зажиточного крестьянства, мелкую городскую буржуазию и интеллигенцию. Эта группа заняла более демократические позиции в вопросе о «Панджаби Суба».

¹⁷ Ключев Б.И. Указ. соч. С. 118.

шинство представителей крупного промышленного и финансового капитала принадлежало к индуской общине, к тому же как религиозные беспорядки, так и ожидание предстоящего раздела штата отрицательно сказывались на деловой активности.

Протестная реакция индуской общины, нарушение деловых связей, отток капитала, проблемы с разделением столицы Панджаба Чандигарха между двумя штатами – все эти и другие обстоятельства имел в виду Дж. Неру, когда писал Фатех Сингху в 1961 г.: «Процесс создания лингвистического штата был невозможен не из-за того, что по отношению к Панджабу якобы проводится дискриминационная политика и не из-за недоверия к сикхам... Панджаби безусловно был доминирующим языком штата Панджаб, общим для сикхов и хинду, однако в случае Панджаба невозможно буквально следовать принципу создания штатов на лингвистической основе»¹⁸.

В том же году в одной из своих речей Дж. Неру заметил, что как сикхи – сторонники панджаби в шрифте гурмукхи, так и хинду – апологеты хинди, записываемом шрифтом деванагари, как правило пишут свои статьи в газетах и полемируют друг с другом на языке урду, записываемом арабским шрифтом, что, конечно, служит еще одним доказательством коммуналистского характера всей полемики¹⁹.

В условиях растущей политической нестабильности, стимулируемой активизацией требований Акали дал создать лингвистический штат, Рабочий Комитет ИНК в 1966 г. принял резолюцию о разделе штата Панджаб на два – панджабиязычный Панджаб и хиндиязычную Хариану. Чандигарх стал столицей обеих штатов и одновременно был провозглашен Союзной территорией. Разделение двух штатов осуществлялось не столько по лингвистическому, сколько по религиозному принципу: районы с преобладавшим сикхским населением отошли к Панджабу, районы с большинством хинду – к Хариане.

В штате Панджаб официальным языком был провозглашен панджаби наряду с хинди и английским он является языком обучения в начальной, средней и высшей школе (в высшей школе – только в гуманитарных областях).

Государство Пакистан было создано в 1947 г. под лозунгом «один язык» (урду), «одна нация» (исламская), «одно государство» (Пакистан). Рост национального самосознания в Бенгалии, приведший к образованию самостоятельного государства Бангладеш, а также в других провинциях Пакистана, меньше всего затронул панджабцев, занимавших многие контрольные позиции в политике,

¹⁸ Цит. по: *Singh Gopal. History of the Sikh People. New Delhi, World Sikh University Press, 1979. P. 727.*

¹⁹ Ключев Б.И. Указ. соч. С. 118.

бизнесе, литературе и искусстве²⁰. Таким образом возникла ситуация, парадоксальная с точки зрения типологического развития этносов: панджабцы, которые вместе с носителями западных панджабских диалектов составляют больше половины населения государства, говорят на языке, не выполняющем почти никаких общественных функций, за исключением немногочисленных радио- и телепередач и ряда художественных произведений, не находящих своего читателя, поскольку язык панджаби почти не преподается в школе²¹.

На вопрос «Ощущаете ли Вы себя панджабцем и что означает быть панджабцем?», который я задавала студентам, преподавателям и чиновникам во время конференции в Лахорском университете в декабре 2008 г., все отвечали положительно, главным признаком «панджабскости» называли язык, затем следовал образ жизни, любимые блюда, фольклор (народные песни, кисса и т.д.)²². Ситуация, в которой родной язык – основной фактор самоидентификации ограничен лишь сферой неформального общения, беспокоит лишь небольшую группу гуманитарной интеллигенции. Некоторые опрашиваемые говорили, что «на панджаби пишут сикхи, а мусульмане пишут на урду». При этом в сознании значительной части даже образованного населения панджаби и шрифты гурмуки, урду и арабский шрифт, английский и латинский шрифт являются полными синонимами, при этом они еще и связаны соответственно с сикхской, исламской и христианской верой. Большинство грамотных носителей панджаби не может ничего написать на родном языке никакими буквами, хотя знают как арабский, так и латинский алфавит.

Некоторые опрашиваемые замечали, что панджабцы и так составляют экономическую, политическую и культурную элиту, а официальным языком пусть остается урду, объединяющий всю страну. «Это и справедливо, – добавляли они. – Ведь урду в современном Пакистане является родным языком только для некоторых потомков беженцев из Индии, так что все население овладевает им как вторым языком и ни у кого нет, как в случае хинди в Индии, преимуществ при получении образования или поступлении на государственную службу».

Можно дать несколько объяснений ситуации, в которой господствующий этнос проявляет равнодушие к судьбам родного языка.

²⁰ *Feroz A. Ethnicity, State and National Integration, Unpublished work serialized by Dawn. Karachi, 1997.*

²¹ Формально панджаби должен преподаваться в школах провинции Панджаб, однако в реальности это правило обычно нарушается. Эти нарушения мало беспокоят центральное правительство, которое теоретически выдвигает лозунг «единства в многообразии», однако практически преследует цели нивелирования языковых, культурных и других различий.

²² Сходные ответы давали и панджабцы тех же социальных групп (хинду и сикхи) в университетах Паталы и Чандигарха в Индии.

Объяснение с позиций истории предлагается в книге американского социолога П.Р. Браса «Язык, политика и религия в Северной Индии»²³. Автор утверждает, что приоритет этнического самосознания над религиозным характерен прежде всего для прибрежных регионов Северной Индии (Бенгалии и Гуджарата), где раньше других развились капиталистические отношения, а вместе с ними началось развитие наций, предполагавшее формирование национального самосознания. Что касается центральных районов Индии, то в них религиозное самосознание всегда довлело над этническим.

Теория Браса объясняет отделение Банглы Деш от Пакистана, так как для бенгальцев этническое самосознание оказалось важнее религиозного. Та же теория объясняет, с одной стороны, успех движения за создание штата Панджаб, опиравшегося на религиозное самосознание сикхской общины и, с другой стороны, поражение движения за официальное признание раджастхани и майтхили в штатах Раджастхан и Бихар. Раджастхани и майтхили лингвистически отличаются от хинди больше, чем панджаби, однако движения за их признание, инициированные в 1960-х гг. интеллигенцией и феодальной аристократией, не были поддержаны большинством населения, так как не опирались на религиозную основу (носители раджастхани и майтхили в основном принадлежат к общине хинду). Очевидно, этими же причинами можно объяснить неуспех движения за признание языка сирайки в Пакистане.

В целом справедливая теория Браса, тем не менее, нуждается в уточнениях. По-видимому, в рассматриваемом регионе можно выделить как минимум не два, а три типа этносов: 1) с приоритетом этнического самосознания над конфессиональным (гуджаратцы, бенгальцы); 2) с приоритетом конфессионального сознания при отсутствии ясного этнического (население хиндиязычного ареала (Бихар, Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш); 3) с приоритетом конфессионального при ясном этническом самосознании (панджабцы). Так, например, если в хиндиязычном ареале опрашиваемые вообще затрудняются с определением своей этнической принадлежности, или отождествляют себя по географическому признаку (названию деревни, дистрикта и т.д., при этом охотно идентифицируют себя как хинду или мусульмане), то панджабцы как правило не затрудняются при ответе на вопрос об их этнической принадлежности.

Представители всех трех религиозных общин Панджаба, безусловно, ощущают языковую и культурную общность и охотно рассуждают о характерных чертах панджабцев, главной из которых, как правило, называется язык. На первый взгляд положение языка

²³ *Brass P.R. Language, Religion and Politics in North India. L., N.Y., Cambridge university press, 1974.*

панджаби в Индии и в Пакистане представляется диаметрально противоположным: в индийском штате Пенджаб панджаби признан официальным языком, в Пакистане является лишь языком неформального общения населения. Однако при более детальном рассмотрении языковой ситуации в индийском и пакистанском Пенджабе различия кажутся менее глубокими.

С.С. Деол²⁴ подробно рассмотрел зависимость между выбором языка обучения и различными социальными характеристиками студентов: доход, социальный статус, образование родителей, язык обучения в школе и др. Отвечали на вопросы о языковых предпочтениях 253 студента магистратуры, специализирующихся в гуманитарных областях в трех пенджабских университетах: университетах Чандигарха, Патиалы и университете Гуру Нанак Дева в Амритсаре. Опрос показал, что выбор языка обучения мало зависит от конфессиональной принадлежности студента (большинством были сикхи), но определяется другими факторами: из тех, кто выбрал английский в качестве языка обучения, 85,1% составляли горожане и 14,9% – деревенские жители. Английский выбирали также студенты из семей с высоким доходом, высоким уровнем образования родителей и т.д. Причем речь здесь идет о гуманитарной интеллигенции, для факультетов естественных и технических наук единственным языком обучения является английский.

Студенты, получившее высшее образование по-английски (большая часть такие студенты также закончили среднюю школу, где преподавание велось на английском языке), вряд ли будут по окончании университета читать пенджабские книги или газеты или даже слушать по телевизору новости на родном языке. Для них панджаби ограничится лишь сферой неформального общения и слушанием пенджабских песен.

Таким образом, при всем различии формального статуса панджаби в Индии и Пакистане, языковое поведение интеллектуальной элиты в обеих странах очень похоже, причем, конечно, оно наблюдается и за пределами пенджабязычного ареала. Современная эпоха глобализации создала новый тип этнического самосознания в Южной Азии, который серьезно отличается от того, к которому привыкли в Европе, где возникновение и развитие национального самосознания прежде всего стимулировало вытеснение из всех сфер общественной жизни мертвого языка и перевод на родной язык администрации, образования, средств массовой информации и др. Для большинства образованных пакистанских панджабцев и многих образованных панджабцев в Индии, прежде всего для тех, кто определяет эконо-

мику, политику и культуру, родной язык является неким символом, флагом, средством социальной мобилизации «своих», отличия их от «чужих», при этом естественной кажется ситуация, при которой вся интеллектуальная и профессиональная деятельность проходит на «чужом» языке. Таким же средством социальной мобилизации и средством отличия «своих» от «чужих» является и конфессиональная принадлежность, которая в силу описанных исторических причин занимает главное место в самосознании большинства панджабцев.

Список литературы

- Клюев Б.И. Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978.
- Feroz A. Ethnicity, State and National Integration. Unpublished work serialized by Dawn. Karachi, 1997.
- Brass P.R. Language, Religion and Politics in North India. L., N.Y., Cambridge university press, 1974.
- Deol S.S. Understanding the Socio-economic, Socio-linguistic Situation and Social Psychology behind Learning a Language in Punjab//Indian Journal of Applied Linguistics. 2006. Vol. 32. N 1–2. Jan-Dec.
- Grewal J.S. Historical Perspectives on Sikh Identity. Patiala, Punjabi University, 1997.
- McLeod W.H. The B40 Janam-Sakhi. Amritsar, Guru Nanak Dev University, 1980.
- McLeod W.H. Sikhism. L., Penguin books, 1997.
- Nabha, Kahan Singh (Bhai). Ham Hindu nahin, Amritsar: Dharam Parchar Committee (SGPC), 1981(reprint of 5-th ed.).
- Nizami, Khalid Ahmad. Life and Times of Farid-ud-din Ganj-i-Shakar, Aligarh: Department of history, Muslim University, 1955.
- Sharda S.R. Sufi Thought. Delhi, Munshiram Manoharlal, 1974.
- Sekhon, Sant Singh and Duggal, Kartar Singh. History of Punjabi Literature. Delhi, Sahitya Academy, 1992.
- Singh Gopal. History of the Sikh People, New Delhi, World Sikh University Press, 1979.

Сведения об авторе: Хохлова Людмила Викторовна, канд. филол. наук, доц. кафедры индийской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: lvik@orc.ru

²⁴ Deol S.S. Understanding the Socio-economic, Socio-linguistic Situation and Social Psychology behind Learning a Language in Punjab. Indian Journal of Applied Linguistics. Vol. 32. 2006. N 1–2. Jan-Dec.